

Денис БОНДАРЕВ

МАДАНГА

Рассказ

Уже третью неделю с зубом было что-то не так. К ночи он начинал болеть так сильно, что об этом не получалось забыть ни на секунду. Десну ритмично простреливало, и эти разряды уходили вверх, через пазухи до самого черепа. Сон из-за этого был рваным, и состоял скорее из серии коротких дрем и пробуждений, которые никак не складывались в нормальный отдых. Днем было легче, хотя память о боли во рту сохранялась постоянно. Все усложняло еще и то, что этот передний резец сидел в десне крепко, как будто ничего особенного с ним не происходило, поэтому просто вырвать его Лохма все никак не решался.

Подойдя к синему автомобилю, он одним ударом тяжелого ботинка снес боковое зеркало. Оно отлетело метра на три и заляпсало на тротуаре, крутясь и подпрыгивая. Отломав от сложного устройства часть, Лохма пошел вслед за зеркалом, остановил ногой пластиковый корпус и взял его в руку. Пальцы мужчины покрывала черная сетка забитых грязью трещинок.

Он натянул рукав плотной куртки на ладонь и стал вдавливать ей зеркало. Оно быстро поддавалось, хрустнуло и накренилось внутри своей рамки, Лохма двумя пальцами вытащил стекляшку и стал протирать разводы на нем. Закончив чистку, он поднес зеркало к лицу.

В отражении показались два широко раскрытых удивленных глаза. Кожа человека была коричневатая от солнца и огрубевшая, черные волосы и щетина прятали почти все лицо. На макушке его косматая прическа была собрана в пучок, стянутый салатовой резинкой, и со стороны казалось, будто черный матерчатый кит наполовину занырнул в его голову и на прощание машет хвостом с зеленым кругом на нем.

Лохма резко развел губы. Наивность в выражении его лица сменилась изумлением, как будто он на вагонетке полетел вниз по американским горкам. Состроив такую рожу, он приблизил зеркало к зубам и стал их рассматривать.

Зубы были плохими – бледно-коричневого цвета, с широкими, неровными промежутки, двух не хватало. Человек повернул голову, и в отражении показалась правая сторона его челюсти. Десна сверху над одним из резцов опухла, была заметна жилка кровотечения. Он пощупал это место пальцем.

«Болеет. Щербато, – подумал Лохма. – Нот гуд».

Лохма опустил руку с зеркалом. Перед ним была широкая восьмиполосная дорога, вся покрытая маленькими горками земли, которую нанесло ветром. Справа тротуар упирался в линию домов. Человек поднял голову и провел взглядом по окнам. Лиц, которые мерещились ему в последнее особенно часто, не было, но волна тревожности все равно прошла по телу.

– Лохма! – крикнул человек, выглядывая из разбитой витрины метрах в двадцати спереди, его короткие, криво обрезанные волосы шевелил ветер. – Давай сюда, есть поживиться!

Мужчина в витрине высунул наружу руку, в которой была отломанная голова манекена, и озорно рассмеялся.

Денис Бондарев родился в 1987 году в Польше. Окончил магистратуру «Литературное мастерство» в ВШЭ. Работал журналистом, штатно и внештатно сотрудничал с независимыми изданиями – «Сноб», The Village, «Афиша», «Нож» и др., публиковался в «Новом мире». Предыдущая публикация в «Волге» – рассказы (2024, №7-8).

Лохма еще раз потрогал рот через губу, сплюнул к своим кожаным ботинкам, и посмотрел на стену справа от себя. Прицелившись, он метнул зеркало в сторону вензельных букв на фасаде, которые складывались в надпись «РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО». Стеклозвездочка ударилась о кирпичную стену и разлетелась на осколки. Посмотрев, как блестящие на солнце куски зеркала запрыгали по тротуарной плитке, Лохма двинулся к витрине, из которой его только что позвали.

До заката было пара часов, темнота приближалась, поэтому надо было спешить.

Окна домов вокруг были покрыты серым налетом грязи, и, приглядевшись, в этих разводах можно было рассмотреть корявые рисунки: морду коровы, кривой вопросительный знак, лист крапивы или какого угодно монстра. Штукатурка на разноцветных фасадах местами была расчерчена трещинами. Лохме представилось, что дорога, тротуар и дома по обе стороны улицы вместе образуют колею, виляющую по телу города. Множество таких извилин бесчисленное количество раз переплетались, упирались и перетекали друг в друга, образуя подобие коры головного мозга города. Думать о пространстве вокруг, представлять его, в последнее время ему было проще всего, другие мысли приходили в голову как будто бы с трудом.

Лохма подошел к пустой глазнице витрины.

– Гляди, пень, – второй человек стоял посреди магазина, держа руками манекен и раз за разом притягивая его зад к себе. Рот его был раскрыт, глаза выпучены. – Гляди, гляди, что делаю.

– Сворачивай уже это, – Лохма отвел взгляд, как будто ему было скучно наблюдать за такой интимностью, – жратвы бы. Гоу надо, тайм.

После паузы он добавил:

– Болеет, – вздохнул и указал пальцем на большую десну.

Второй мужчина, когда его выступление не получило поддержки, посерьезнел, перестал жаться к манекену, отпустил его, и пластиковое тело с глухим звуком стукнулось об пол.

– Бестолков ты. Ни веселья, ни любви в тебе, одна разруха.

Опустив руку к стоявшему у его ног здоровенному походному рюкзаку, он вытащил пристегнутую сбоку резиновую дубинку. Крутя ею в руке, он неспешно пошел мимо столов с кучами одежды в сторону касс. Раскрыл пару шкафчиков, заглянул внутрь, ничего не нашел. Еще одна оказалась закрыта, тогда он взмахнул дубинкой и опустил ее на матовую белую поверхность. Дверца сразу поддалась. Он доломал ее ногой, заглянул внутрь, особо не рассчитывая там что-то найти, вывалил на пол пару стопок бумаги и пошел обратно в зал магазина.

На рамку витрины рядом с Лохмой села крупная синица с желточными боками. Мужчина и птичка переглянулись, и после быстрого обмена взглядами та порхнула в помещение. Лохма полез вслед за ней. Оказавшись внутри, он сказал:

– Тихон, хватит, идем.

Начав погром магазина с касс, Тихон уже разгорячился и теперь бил дубинкой по всему, что оказывалось под рукой: по столам с бельем и пижамками, по ногам женских манекенов, по лампам, свисавшим на длинных глянцево-черных проводах с потолка. Осколки и обломки всего подряд летели во все стороны. Когда Лохма его окликнул, Тихон обернулся, лицо его было возбужденным и яростным. Казалось, еще секунда, и он что есть сил метнет дубинку в товарища.

Лохма спокойно сказал:

– Пиво.

Напряжение в теле Тихона сразу спало, гримаса на лице расправилась.

– Пииво, – протянул он.

– Ну вот, – сказал Лохма и развернулся в витрине в сторону улицы.

– И таранка, таранка! – крикнул Тихон, запрыгнул на ближайший стол, перепрыгнул на соседний, двигаясь к выходу наружу и продолжая выкрикивать: – Таранка мне, таранка две!

На улице они пошли вниз по широкому тротуару. Он был похож на огромную песочницу, в которую вывалили ящик с детскими игрушками: сбоку на каменной плитке лежал знак «парковка запрещена», рядом на крайней правой полосе дороги стояла сгоревшая машина, чуть дальше – еще одна, перед летней верандой валялись обломки стульев, еще дальше – металлическая рамка с наполовину выбитым пластиком, на остатке которого разноцветные линии складывались в часть схемы метро. Дополняли картину запустения холмики собравшегося повсюду грунта, а у стыка тротуара и фасадов зданий из них росли тонкие кустики.

У будки со шлагбаумом впереди стоял большой тонированный автомобиль с открытой передней дверью. Там же начинался более резкий спуск дороги. Слева был парк, в начале которого, как пузатый охранник, расположился памятник, похожий на старинную приземистую башню. На его сером куполе высился православный крест с округлыми контурами.

Мужчины шли на небольшом удалении друг от друга, Тихон спереди, Лохма сзади. На спинах у них были походные рюкзаки, к которым крепились инструменты: небольшой топорик, туристические палки, деревянный клин, молоток, резиновая дубинка. Сбоку у каждого торчало по бутылке с коричневатым напитком и выцветшей этикеткой «Квас». Из кармана Лохмы выглядывала губная гармошка, у Тихона на подвесе в центре рюкзака болтались золотые наручные часы. Они шли не спеша, давая своим телам прогреться на непривычно теплом апрельском солнце.

Тихон вдруг резко развернулся, показывая товарищу свою ехидную улыбку:

– Когда заберем, можно в тепло. Навсегда. – Он остановился, чтобы Лохма подошел ближе. – Главное, чтоб на месте было.

Лохма, особо не реагируя, прошел мимо.

– Сперва найдем, потом радоваться, – ответил он.

Дойдя до шлагбаума, они повернули на узкую улицу вправо. Машин здесь стояло больше. В основном они были ровно припаркованы вдоль дороги и не выглядели брошенными, как на проспекте до этого, но у многих были выбиты окна.

Сняв с рюкзака топор, Тихон стал подходить к автомобилям с закрытыми багажниками и колотить по ним, поддевать металл острием, дергать рукой. Некоторые быстро поддавались, некоторые сопротивлялись дольше. Он проверял открывшиеся отсеки, ругался себе под нос и двигался дальше.

Лохма шел с опаской поглядывая на пыльные окна домов. Лиц не было, но ему казалось, что вот-вот в одном из окон появятся любопытные, внимательные глаза. А потом они будут повсюду. Все они станут смотреть и смотреть на него, смотреть и смотреть.

Возле очередного раскрытого багажника Тихон радостно заорал, скинул с плеч рюкзак, откинул его верхний клапан, стал хватать из багажника банки консервов и перекидывать в основной отсек.

Крик отвлек Лохму от окон, он сразу понял, что произошло, и побежал к Тихону. Услышав шаги подбегающего товарища, Тихон резко развернулся, раскрыл рот, показывая крупные зубы, и – то ли разозлившись, то ли испугавшись – воинственно зарычал.

Лохма приближался, когда между ними оставался метр, Тихон поднял колено к груди, резко выкинул ногу вперед и мощно ударил друга стопой в грудь.

Их отбросило в разные стороны: Тихон попятился по инерции от движения Лохмы, Лохма же сразу опрокинулся назад и отлетел, упав спиной на рюкзак.

Напряжение спало. Тихон сам удивился тому, что произошло, в глазах его появилась растерянность. Лохма же так сильно задохнулся от удара, что, казалось, через его рот пытается вылезать наружу небольшое животное, руки судорожно пытались нащупать что-то на груди.

– Пошел прочь, галима абыюза, – проглотив накатившее волнение, сказал Тихон, – хочешь жрать – ищи сам.

Лохма вылез из лямок рюкзака, перевернулся на бок, подтянул ноги к животу и продолжал пытаться откусить немного воздуха.

– Болеет, – детским голосом, еле слышно, сказал он.

– Уйдет, – сухо ответил ему товарищ.

Тихон закинул оставшиеся металлические банки консервов в рюкзак. Одну он поставил на капот соседней машины, снял висевший на поясе нож, воткнул в металлическую крышку и вскрыл ее. Насаживая куски мяса на лезвие, он стал перекидывать их себе в рот. Закончив с первой банкой, он вынул из рюкзака еще одну, открыл и ее. Съев половину, он отер нож, убрал его обратно, поднял жестянку в сторону Лохмы, как бы ловя его внимание, и сказал:

– Ешь еду, – со стуком опустил банку обратно на капот, поднял рюкзак и медленно пошел вперед.

Лохма приходил в себя. Сначала он с хрипами встал на карачки, потом поднялся на ноги и, сгорбившись, пошел к машине. Там мужчина взял в руку банку, стал вытряхивать куски тушенки себе на ладонь и один за другим хватать их ртом. Когда мясо закончилось, он бросил жестянку, и та со звоном ударила о металлическую табличку с надписью «Ильинка», торчавшую из-под колеса автомобиля. Лохма пошел вслед за Тихоном, который был уже метрах в пятидесяти спереди.

Опускающееся к горизонту солнце было в центре просвета между крышами домов, ровно над разделительной полосой дороги. Свет прозрачным платком ложился на Лохму и Тихона. Казалось, что от такого весеннего солнца все должно начинать шевелиться, подниматься, дышать, но город вокруг был застывший, окончательно окаменевший. Тела машин, немой фонтан, неподвижная створка раскрытого окна на третьем этаже. Только двое мужчин двигались по дну желоба улицы, стекая по нему к огромной площади.

Стена с массивными кирпичными зубцами разделяла вид перед ними на две полосы – красную кирпичную снизу и голубую небесную сверху.

Тихон остановился на углу улицы, по которой они шли – перед ним была просторная, покрытая брусчаткой площадь. Башни-стражники циклопическими циферблатами часов следили за происходившим у красных стен.

– Маданга, – вполголоса сказал Тихон, когда к нему подошел Лохма.

– Воистину, – также тихо подтвердил Лохма.

Справа и слева площадь упиралась в два красных храма – один с пестрыми, разноцветными спиралями на куполах, другой из богатого темно-бордового кирпича и с двуглавыми птицами на шпилях. Две из девяти цветастых, праздничных башен храма слева были обгоревшие, на одной из них купол обвалился внутрь. Соединявшая пространство между красными зданиями стена с зубцами в паре мест была черной, обгоревшей. Из-за нее выглядывали верхушки бледных строений торжественного вида. На спуске слева стояла брошенная военная машина. Оба мужчины замерли перед открывшимся им видом.

У стены в центре площади стояла приземистая пирамида с отсеченной верхушкой. Сбоку от нее – спортивная трибуна с пластиковыми стульями трех цветов: синего, белого, красного. Часть стульев была выбита, а сама конструкция сильно выделялась на фоне торжественных строений вокруг, была чужеродной всему окружению.

Часы на высокой башне прямо напротив Тихона и Лохмы остановились на без пятнадцати двенадцать.

– Страшно, – сказал Лохма.

– Хуже, – ответил Тихон, – давай быстрее лучше.

Они шагнули на брусчатку и пошли влево, в сторону пестрого храма. Лохма повернул голову на дом сбоку и мгновенно почувствовал, какими мощными стали удары его сердца, что на коже повсюду появились покалывающие ощущения, как за волной жара последовал озноб. Из окон особняка слева на него смотрели лица, множество серых, полупрозрачных людей, и с каждой се-

кундой их становилось все больше. Взгляд Лохмы зацепился за ребенка, мальчика лет десяти, который плотно прижался щекой к стеклу на втором этаже. Была видна только левая часть его лица, он смотрел на Лохму лишь одним скошенным вбок глазом. Лохма отвел взгляд и – как и всегда в таких случаях – подумал, что сделал это слишком поздно. Стараясь полностью сосредоточиться на одной точке на рюкзаке Тихона, он шел, замечая, как внутри него гигантским парусом развевается тревога и постепенно полностью захлестывает его.

Тихон подошел к пестрому храму, поднялся по ступенькам к калитке ограды и двинулся сквозь нее к массивной, обитой кованым железом черной двери, обернулся на Лохму и шепотом сказал:
– Давай уже, давай.

В храме было темно, только где-то в дальнем помещении через узкие окна лился солнечный свет. Тихон аккуратными шагами, ощупывая ногами пространство перед собой, пошел вперед. Когда глаза привыкли к темноте, стали различимы узоры цветов на стенах, фигурные своды потолка, очертания большого кованого саркофага в углу помещения. Тихон осмотрелся и двинулся дальше.

В следующем зале было темнее. Тихон и Лохма повернули за угол и оказались в лабиринте узких коридоров храма. Раз за разом оказываясь не в том месте, которое нужно, они разворачивались и, держась рукой за стену, снова наугад двигались по темному коридору.

Наконец Тихон нашел нужный проход и шагнул на узкую винтовую лестницу. Развернувшись к Лохме, он взял его за куртку и увлек за собой по ступеням вверх.

Когда они поднялись на второй этаж, там все уже было хорошо видно – в кирпичной кладке на потолке кругом располагались окна, и падавший из них свет делал помещение понятным. Сверху же, из центра свода, на длинном подвесе спускалась раскидистая люстра, похожая на подобравшего щупальца гигантского осьминога.

Слева от лестницы стеной стояла массивная деревянная ширма, уходившая к самому потолку. В ней несколькими ярусами, как в окнах, располагались картины – в основном образы с нимбами и сюжеты из жизни святых. Дерево вокруг изображений было повреждено, местами в нем торчали гнутые гвозди, которые когда-то крепили обрамление картин.

Стены зала покрывали яркие вензельные узоры, где-то виднелись надписи из вязи переплетающихся букв, отдельные ниши были окрашены алым. В дальнем углу помещения стоял стол, больше напоминавший сундук, на нем – макет храма, внутри которого Тихон с Лохмой и были сейчас. На стене рядом витиеватыми буквами было написано: «Царю и самодержцу Всея Руси». Тихон подошел к макету и сказал:

– Здесь.

Он снял рюкзак, вытащил топор, опустился на колени и начал ощупывать дубовый бок стола рукой. Через пару секунд он нашел незаметный шов, по которому соединялись две тайные боковые дверцы. Размахнувшись, он опустил обух топора на это место. После трех ударов скрепляющий створки врезанный замок сдался. Тихон открыл дверцы и тихо вскрикнул:

– Здесь! Здесь!

Лохма, стоявший у него за спиной, тоже присел, и оба начали вытаскивать из шкафа иконы с тусклыми ликами. Часть золотых рам была скреплена между собой и сложена книжкой, всего их было десятка полтора. Когда все иконы легли на пол, руки мужчин растащили их на две кучи, оба достали ножи и длинными движениями стали прорезать ткань. Четыре движения и прямоугольный оклад становился свободен от сердцевины ткани. Из-под лезвий сыпалась мелкая крошка мелового грунта картин.

Мужчины достали из рюкзаков длинные тряпки и стали обматывать освободившиеся от полотна золотые рамы. Быстро закончив работу, они раскрыли свои рюкзаки и стали бережно укладывать внутрь добычу. Часть влезла, остальные закрепили на рюкзаках снаружи. Закончив, Лохма и Тихон спешно двинулись обратно к лестнице.

Назад они прошли тем же путем, только лабиринт на этот раз не пытался их запутать, а легко дал пройти сквозь себя самым коротким путем. Через комнату с прямоугольным саркофагом они снова вышли на крыльцо.

На улице с обоих резко спало напряжение, хотя Тихон продолжал тревожно мотать головой по сторонам, как бы проверяя, не следят ли за ними. Выйдя за ограду, оба двинулись через площадь в сторону красного здания напротив.

Лохма шел впереди, когда его окликнул Тихон. Обернувшись, он увидел, что тот показывает на перевернутую полицейскую «Газель», которая лежала на боку невдалеке, у самой краснокирпичной стены. Увидев, куда двинулся Тихон, он крикнул:

– Э, стопэ, стопэ, – без особой веры в собственные слова повторял Лохма. – Дурак!

Тихон не обращал внимания на призывы и уже подходил к одному из нанесенных ветром бугров земли у машины, который был выше остальных. С одной стороны от ветра этот холмик защищала «Газель», и оттуда было видно, что он образовался, потому что землю задерживало полуистлевшее тело человека.

Спешно сбросив со спины рюкзак, Тихон наклонился к кисти трупа, торчавшей из грунта. На ногтях пальцев, смотревших в небо, все еще можно было различить красный лак. Мужчина схватился за то, что когда-то было женской рукой, и вытянул ее из-под слоя земли. На фалангах блеснул свет, отраженный в желтом металле. Тихон весело сказал:

– Ха, находка.

Лохма обошел перевернутую на бок «Газель» и остановился возле кабины. Лобового стекла не было. Он скинул рюкзак, на корточках пробрался в салон и, не вставая, начал его осматривать.

Потолком опрокинутого автомобиля теперь была водительская дверь, из бокового кармана на ней торчал термос, рядом с ним – замызганное махровое полотенце. К приборной панели в ряд были приклеены три иконки, в зарядке между сидениями странным образом, параллельно земле, держалась полицейская рация. Под ногами у Лохмы, в оконном проеме второй двери, валялся кожаный кошелек. Он взял его в руки, на одной стороне прощупывался рельефно вышитый знак Z. В отделении кошелька была фотография полной женщины в желто-красном сарафане с маленькой девочкой на руках. Лохма заглянул за сиденье водителя над собой, там что-то еле уловимо блеснуло. Засунув руку за спинку, он вытащил хромированный шиномонтажный ключ. Сталь была холодной, взвесив инструмент в руке, Лохма оценил его тяжесть, покрутил ключ еще немного перед глазами и вместе с ним стал вылезать из перевернутой кабины.

Выбравшись из «Газели», мужчина подошел к рюкзаку и убрал металлическую трубу в его боковой карман, поднял на плечи и пошел к Тихону.

Тот в это время снял со своей шеи тонкую бечевку, которая пряталась под пуховиком. Множество нанизанных одно к другому золотых колец делали из нее подобие ожерелья. На солнце украшения и камни в них сразу заиграли разными цветами. Стоя на коленях, Тихон добавил еще одно, новое кольцо к двум-трем десяткам других, хохотнул и снова завел руки себе за шею, чтобы застегнуть замок на веревке.

Лохма шел по брусчатке площади к товарищу. Он переводил взгляд с Тихона на здание у него за спиной, с его суетящихся на шее рук на серые лица, снова проступившие во всех окнах и множившиеся с каждой секундой. С праздничного блеска глаз приятеля на рисунки пыли на стекле. Когда Лохма был в паре метров от бугорка, из которого торчала рука, он выхватил из бокового кармана шиномонтажный ключ и вскинул его вверх.

Тихон видел, как Лохма идет к нему, как достает металлическую палку, как вся его фигура постепенно превращается в угрозу. Он даже успел поднять руки вверх, хотя и недостаточно высоко, чтобы хорошо защититься, потому что пальцы не отпускали веревку с трофейными кольцами. И еще, потому что он дольше нужного всматривался в глаза Лохмы, как будто стараясь понять, почему происходит то, что происходит.

Тяжелый и быстрый удар пришелся в верх лба. После него Тихон сразу откинулся назад и, раскинув руки, упал на спину. Глаза его остались открыты. Лохма посмотрел на него секунду, затем поднял металлическую трубу и еще дважды опустил ее на голову Тихона.

Оглянулся, как бы проверяя, нет ли рядом еще кого-то. На него смотрели только башни с острыми шпильями, звездами и круглыми глазами часов. В окнах тоже никого не было.

Постояв полминуты, Лохма обтер о низ штанины кровь с металлической трубы и убрал ее обратно в карман. Затем пошел к рюкзаку Тихона, откинул верхний клапан и стал переключивать к себе сначала рамки икон, а потом и металлические банки консервов. Его рюкзак с трудом закрылся, а снаружи он теперь был со всех сторон обвешен обернутыми тканью прямоугольниками.

Резкий порыв ветра качнул пальму волос на голове Лохмы. Он снова надел рюкзак и пошел через площадь в том же направлении – к противоположному красному зданию.

Лохма шел вдоль стены, мимо разноцветной спортивной трибуны, мимо угловатой приземистой пирамиды, мимо круглого купола за стеной, напоминавшего набухший сосок.

Впереди, на стыке нескольких булыжников брусчатки, был очередной, на этот раз совсем небольшой холмик земли, и из него торчало молодое деревце. Тонкий светлый ствол, буквально в полсантиметра толщиной, гнулся от ветра так, что, казалось, вот-вот его вывернет из жидкого грунта и потащит по площади вслед за очередным порывом. За что это деревце хваталось корнями, было непонятно, но как-то оно все же держалось.

Каменная дорога шла вниз. Лохма спустился по ней к проходу сквозь арку и оказался на другой просторной площади. На высоком постаменте справа стоял памятник – мужчина с чуть приподнятой головой и гордым, сдержанным выражением лица держал у груди кулак, у его ног сидели два журавля.

Пройдя через эту площадь, Лохма вышел к широкой улице, уходившей далеко вверх. По обе ее стороны были торжественные дома с высокими окнами и глянцевой мраморной отделкой первого этажа. Спешной походкой он шел по разделительной полосе в центре дороги. Спустя минут десять Лохма свернул в переулок налево, прошел еще немного и остановился возле высоких чугунных ворот. После секунды раздумий он двинулся к открытой калитке во двор дома, там повернул направо и вошел в раскрытую дверь ближайшего подъезда.

По лестнице были разбросаны вещи – женская кожаная сумка, пальто, блистеры таблеток, зарядка с проводом, шосейный велосипед. На площадке пятого этажа мужчина остановился. Все двери квартир были открыты, он по очереди заглянул в каждую и зашел в ту, где длинный широкий коридор был ярче всего освещен оранжевым закатным светом. У стены возле вешалки стоял полированный столик на тонких ножках, над ним – огромное, чуть мутное зеркало в старинной резной раме. На противоположной стене висели черно-белые фотографии в рамках.

Мужчина закрыл за собой входную дверь, прошел по коридору дальше, заглянул в просторную гостиную. У окна в глубине комнаты стоял рояль, рядом с ним – большая ваза, всю стену слева занимал шкаф с книгами. У противоположной стены расположился широкий плюшевый диван, в дальней его части горой лежали куртки, пледы, подушки, образуя подобие гнезда. С пола из-за дивана выглядывала пара пустых бутылок, рядом валялся пакет и упаковки из-под еды вокруг него.

Лохма пошел по коридору дальше. Справа была маленькая комнатка скромного вида: кровать-полуторка, на стене – старый ковер с оленем, стол с льняной скатертью и тяжелый деревянный шкаф для одежды. Он шагнул внутрь и закрыл за собой дверь. Затем взялся за низ шкафа и сдвинул его так, чтобы подпереть вход. Сел на кровать, откинул верх рюкзака, запустил в него руку и достал банку консервов. Из кармана куртки он вынул перочинный нож бордового цвета, раскрыл одно из его лезвий, приставил к банке, но вдруг остановился и поставил ее на стол.

Вытянув из кармана рюкзака тот же шиномонтажный ключ, Лохма встал, закрыл локтем лицо, размахнулся, сделал шаг и пробил в окне оба стекла. Звон был долгим, как будто зависшим в воздухе. Лохма размахнулся снова и разбил еще два в другой створке, а потом и два в верхней

части рамы. Он отшагнул назад и сделал то же самое со вторым окном рядом, на стене справа. Солнце в этот момент окончательно спряталось за крышами домов напротив, освещение комнаты резко изменилось, и очертания предметов как будто стали четче, прояснились.

Страхнув с себя осколки, он снова сел на кровать, взял в одну руку нож, в другую консервы и быстрыми движениями вскрыл банку. Она была приплюснутая и походила на маленькую противопехотную мину. В центре ее была выдавлена маркировка, самым крупным шрифтом было написано «Сделано в России».

Срезанная крышка упала на пол. Лохма отложил нож, вытащил пальцами кусок говядины с прилипшим к нему прозрачным желе и положил мясо в рот. Он смотрел на штору, которую сквозняком засасывало в окно справа. Взгляд его ничего не выражал, как у человека, который целиком сосредоточился на каком-то важном внутреннем переживании.

Тщательно жуя тушенку, он вдруг вскрикнул и накрыл ладонью рот. На больной передний зуб попала кость, и от внезапной боли у Лохмы выступили слезы. Посидев полминуты с выпученными глазами и ощупывая передние зубы через губу, он, наконец, раскрыл рот, выплюнул кость, положил два пальца на больной резец и начал давить на него вперед. Вместе с этим Лохма глухо заныл, а слезы из его глаз покатались сильнее. Еще немного – и рука сорвалась со рта, и одновременно с этим из него вышел мучительный, плаксивый выдох облегчения. Вернув руку ко рту, он еще одним рывком дернул повисший на десне зуб и оторвал его от себя.

Так долго мучивший его передний резец лежал на ладони. Лохма стер с него кровь. Длинный клиноподобный корень с одной стороны был весь покрыт черными точками. Лохма с минуту рассматривал то, что еще недавно было частью его, потом сжал зуб в кулаке, размахнулся и выкинул в разбитое окно.

весна 2022